

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 107

А.Н.ЯМСКОВ

**РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
В ПОЛИЭТНИЧНЫХ СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ
ЗАКАВКАЗЬЯ, СИБИРИ И УРАЛА**

Москва
1997

ISBN 5-201-13711-3(7)

© Серия "Исследования по прикладной и неотложной этнологии"
Института этнологии и антропологии РАН. Документ N 107.

Издание осуществляется при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 97.01-16226.

Редакционная группа:

В.А.Тишков (отв.ред.)
Н.А.Лопуленко
М.Ю.Мартынова
Д.А.Функ

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с позицией редакционной группы

При использовании ссылка на материалы обязательна

По вопросам приобретения материалов обращаться
по адресу:

117334, Москва, Ленинский проспект, д.32а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19; 938-07-12
E-mail ANTHPUB@IEA.MSK.SU

ЯМСКОВ Анатолий Николаевич

**РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ
В ПОЛИЭТНИЧНЫХ СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ
ЗАКАВКАЗЬЯ, СИБИРИ И УРАЛА**

Об авторе

Ямсков Анатолий Николаевич - старший научный сотрудник, руководитель группы этнодемографии и этноэкологии Института этнологии и антропологии РАН, кандидат исторических наук (1987 г.), окончил Географический факультет МГУ (1980 г.). Экспедиционные исследования проводил в Закавказье и на Северном Кавказе (Ставрополье, Чечено-Ингушетия, Северная Осетия), в Южной Сибири (Бурятия, Горный Алтай), Приуралье (Пермская область) и в Центрально-Черноземном регионе. Является членом Комиссии МСАЭН по прикладной антропологии. Выполнял экспертные работы по заказам Всемирного Банка, Администрации Президента РФ, Академии МВД СССР, Госкомстата РФ, Миннаца РФ, Совета Безопасности РФ, ЦК КПСС. Автор научных работ, посвященных этнографии и этноэкологии традиционного хозяйства, историографии этноэкологических исследований и этнополитической проблематике.

Работа подготовлена при финансовой поддержке Московского Общественного Научного Фонда (проект № 68 - социология, 1996 г.)

ANATOLY N. YAMSKOV

**SPECIFIC FEATURES OF ETHNIC
RUSSIANS' SOCIAL STRUCTURE AND
OCCUPATION IN MULTIETHNIC RU-
RAL DISTRICTS OF THE TRANS-
CAUCASUS, SIBERIA, AND THE
URALS.**

Anatoly N. Yamskov is a senior researcher, head of Research Team in Ethnic Demography and Ethnic Ecology at the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, holding his Ph.D. in "Ethnography" (1987, candidate of historical sciences) and M.A. in "Geography" (1980, Moscow University). Field studies have been done in the Transcaucasus and North Caucasus (Stavropol' Province, North Osetia, Checheno-Ingushetia), in Southern Siberia (Buryatia, Altay), the Urals (Perm' Province) and in the Central-Chernozem /Black Soil/ Region of Russia. He is a member of the IUAES Commission on Applied Anthropology. A. Yamskov worked as a consultant in ethnology, ethnopolitics and ethnic /cultural/ ecology on requests from: The World Bank; Administration of the President, RF; Academy of the Ministry of Internal Affairs, USSR; State Committee on Statistics, RF; Ministry of Nationalities' Affairs, RF; Security Council, RF; Central Committee of the CPSU. He is the author of publications, devoted to ethnology and ethnic /cultural/ ecology of traditional subsistence economies, history of ethnic ecology and ecological anthropology, and to ethnopolitical problems.

RESUME

The author, using his field studies of the late 1980's - early 1990's, analyses occupations of ethnic communities (32 groups) from multiethnic or neighbouring monoethnic villages (27 settlements). Rural ethnic Russians practically everywhere show comparatively higher proportions of non-agricultural and agricultural workers with industrial or technical skills, and of unskilled non-agricultural labourers and employees. Non-Russian ethnic groups in the surveyed rural areas usually have comparatively higher proportions of private farmers, of professionals with agricultural university or college training, and of unskilled agricultural labourers. This phenomenon can be explained as a result of ethnic Russians' generally higher level of socio-cultural modernization; the latter had been the major factor, causing their active migrations to industrial centres and leading to steady decrease of their share in population of these multiethnic rural areas. Being a sign of social advancement during the Soviet period, higher employment of ethnic Russians in state-financed non-agricultural rural enterprises put them into a much worse economic position during the current economic crisis and growing dependence on subsistence agriculture.

ВВЕДЕНИЕ

Информационная база и задачи работы

Усиливающаяся социальная стратификация населения является бесспорным и политически одним из наиболее важных результатов реформ начала 1990-х годов. Особую актуальность этот феномен приобретает в полиэтничных регионах, где может формироваться выраженная этническая специфика в социально-профессиональном составе соседствующих групп населения. В подобных случаях усиление былого социального расслоения и, особенно, его существенная трансформация могут восприниматься населением сквозь призму межэтнических взаимоотношений, серьезно усложняя последние и провоцируя перерастание формирующейся социальной напряженности в межэтническую либо в этноизбирательный отток населения. Наибольшую сложность процессы подобного рода приобретают тогда, когда в качестве одной из сторон выступают представители этнического большинства населения государства, то есть в условиях СССР и России - русские: улучшение их социально-экономического положения зачастую воспринимается как колониальное угнетение "коренного населения", а ухудшение - как целенаправленная дискриминация русских со стороны доминирующих в региональных органах власти сторонников "местных националистов".

В предлагаемой работе указанная проблематика рассматривается на примере полиэтничных сельских районов, в которых исторически сложилось старожильческое русское население. Ав-

тор, концентрируя свое внимание на сравнительном анализе социально-профессионального состава соседствующих этнических групп населения, исходит из двух широко и давно известных положений. Недавно они были вновь четко высказаны в форме констатации того, что "социально-профессиональное деление является одной из базовых стратификационных систем" и что при этом "этнический фактор действительно обладает завидной устойчивостью в объяснении многих стратификационных проблем"¹.

Задача предлагаемого исследования состоит в выявлении роли этнического фактора в недавней и современной социальной стратификации, понимаемой как разделение на социально-профессиональные группы, в полиэтничной сельской местности. С этой целью, наряду с кратким описанием авторских методов сбора и фиксации соответствующих статистических данных, представлены систематизация и анализ конкретных сведений о специфике социально-профессиональной структуры сельского русского населения в сравнении с соседними иноэтничными группами в последние годы существования СССР и в ходе радикальных экономических реформ начала 1990-х годов. В заключении оценивается воздействие особенностей русского населения в указанной сфере на его миграционное поведение.

В основу данной работы положены полевые материалы автора (далее - ПМА), собранные в 1988-1993 гг. Сведения были получены в сельских районах Закавказья /Азербайджан, Армения, Грузия/, Южной Сибири /Бурятия/, Урала /Пермская область/; для сравнения представлены материа-

лы по русским жителям Центрально-Черноземной России /Воронежская область/.

Армения.

В селе Лермонтово (бывшая Воскресенка) Гугаркского района Армении с первой половины XIX в. живут русские-молokane (постоянные, прыгуны, максимисты), к которым после коллективизации начали подселиться армяне и азербайджанцы из окрестных сел. В июле 1987 г. автором и В.В.Коротеевой здесь были собраны следующие сведения:

Национальность	Численность работающих	Рабочие и служащие сельского совхоза и зверосовхоза	Рабочие и служащие других сельских организаций и предприятий	Рабочие и служащие организаций и предприятий вне села
русские	556 чел.	60%	12%	28% (*)
армяне	63 чел.	84%	10%	6%
азербайджанцы	61 чел.	92%	-	8%

(*) В том числе 8% трудоустроенных русских жителей села составляют женщины, работающие на трикотажной фабрике в соседнем городе Кировакане (ныне - г.Караклик), расположенном в 16 км от селения.

Азербайджан.

В Азербайджане материалы были собраны в августе 1989 г. в Джалилабадском районе и в сентябре 1989 г. в Варташенском и Шемахинском районах. Появившиеся к этому времени во всех селах беженцы-азербайджанцы из Армении не учитывались. Обсчитаны записи по всему населению соответствующих национальностей каждого селения, исключая Новоголовку, в которой по азербайджанцам сделана выборка примерно в 30%. Новоголовка (ранее называвшаяся Новогольск) и Астраханка (первоначальное название - Кыз-Майдан) основаны в первой половине XIX в. русскими молokane, часть которых позднее перешла в баптизм. Азербайджанцы стали селиться в этих селах после коллективизации, но особенно активно - начиная с 1960-х гг.; в Астраханке среди азербайджанцев до 10% составляют таты из близлежащего села Пирбегли, где в быту жители говорят на татском языке, но официально числятся азербайджанцами. В Новоголовке азербайджанское население включает в себя до 10% тальшей и примерно столько же ираноязычных "оратты", тоже переселившиеся с недалеких Тальшских гор, но отделяющих себя от собственно тальшей; впрочем, основную часть составляют равнинные азербайджанцы из окрестных селений. Село Беюк Сеюдлу, среди русских известное также под названием Кировка, основано в начале 1920-х гг. молokane из Ново-Саратовки, существующей с первой половины XIX в. Эти молokane поселились на месте армянского села, уничтоженного в 1918-1919 гг. турками и азербайджанцами. Местные армяне - потомки тех, кто тогда сумел спастись в городе Гяндже /Кировабаде/; однако все армяне были изгнаны из села в ноябре-декабре 1988 г. В молokane Беюк Сеюдлу прибыли также субботники и баптисты из других старожильческих русских селений Азербайджана, а лезгины переселились сюда начиная с 1960-х гг. из соседних лезгинских сел, основанных на рубеже XIX-XX в. и в 1920-е гг. выходцами из Дагестана. Другая Кировка (бывшая Марьевка, или Нагархана) основана в середине XIX в. русскими молokane и субботниками; азербайджанцы в значительном числе поселились здесь после 1960-х гг., переехав из соседнего села Тальшнури того же сельсовета.

Грузия.

В Грузии материалы были собраны в мае-июне 1988 г. в Богдановском (позднее переименованном в Ниноцминдский) районе и в мае-июне 1990 г. в Сагареджойском и Сигнахском районах. Богдановский район, известный также как Духоборья, находится в Месхет-Джавахетии и с первой половины XIX в. населен армянами, переселившимися из Турецкой Армении, и русскими духоборцами; армяне прибыли на 10-15 лет раньше. Духоборческие села были моноэтничными до коллективизации, однако еще в 1920-е-1930-е гг. на изъятых у них землях были поселены армяне из этой же местности - так возникли Ждановокан (армяне-григориане) и Новое Хульгумо (тюркоязычные армяне-католики); с 1960-х гг. армяне стали активно селиться и в самих духоборческих селениях. Сведения по селу Новое Хульгумо включают также данные по селу Тамбовка - оба селения, разделенные небольшой речкой, ныне

практически слились в единый населенный пункт одного сельсовета. Сагареджойский район находится в Кахетии, Сигнахский - в Кизикии. Здесь отряд под руководством А.Н.Ямскова скопировал похозяйственные книги по всем трем упомянутым выше селам. Красногорка (бывшая Малхазовка) и Ульяновка (бывшая Ново-Александровка) были основаны русскими молочанами в первой половине - середине XIX в., часть молочан Красногорки позднее перешла в баптизм. Соседнее с Ульяновкой грузинское село Квечи /Нижнее/ Магаро существует с середины - конца XIX в. после ухода сюда части жителей из расположенного в 6 км горного Верхнего Магаро, ныне почти уже заброшенного.

Воронежская область.

В Воронежской области отряд под руководством А.Н.Ямскова в мае 1990 г. скопировал похозяйственные книги на исторический квартал селения Пески - "Молочанский угол", в котором действительно с начала XIX в. проживали молочане; их потомки перешли ныне в баптизм. Расчеты проведены автором только по этой выборке, составляющей примерно 10% от всего населения села (около 7000 чел. на начало 1990 г.).

Бурятия.

В Бурятии материалы были собраны в августе 1991 г. Местные буряты - в основном потомки переселенцев XVIII в. из Прибайкалья; они придерживаются ламаизма, но сохранили и элементы шаманизма, в быту говорят на родном языке. Русские - потомки переселенцев примерно того же времени; в Большом Куналее живут старообрядцы-"семейские", в Пестерево - православные-"сибиряки" (в Пестерево, насчитывающем около 450 русских жителей и 50 бурят, взята выборка примерно в 30% от русского населения села). Материалы по селу Дэдэ-Сутой включают также сведения по бурятам из соседней деревни Арсентьево того же сельсовета.

Пермская область.

В Пермской области материалы были собраны в ноябре 1993 г. Обследованные группы русских, татар, башкир и марийцев, будучи потомками очень давних поселенцев, не сохранили общеизвестных преданий ни о появлении своих предков в данной местности, ни об основании селений. Однако многим жителям известно, что башкиры осели здесь раньше других групп, а татарские села пополнялись переселенцами из Поволжья вплоть до коллективизации. Русские являются православными, но в Шабарке есть несколько семей старообрядцев, переехавших из деревни Щипа того же сельсовета; марийцы из Тляково относятся к некрещеным, или "язычникам"; татары и башкиры - мусульмане. Все группы полностью сохранили в быту родные языки и в школах дети первые 4 года обучаются на татарском или на марийском; башкиры говорят на местном диалекте, который ближе к литературному татарскому языку, а не к башкирскому, и потому этот диалект бардымских /пермских/ башкир считается татарским.

Первичная информация, сгруппированная в таблицы, приведена в Приложениях №№1-4. Выбор районов экспедиционных исследований определялся факторами, не имеющими отношения к тематике данной работы, так что полученную выборку обследованных селений и этнических групп можно считать случайной.

Настоящая работа имеет итоговый характер, поэтому при ее подготовке все полевые материалы, включая и ранее опубликованные, были заново обработаны. Для того, чтобы повысить обоснованность выводов и снизить

вероятность влияния на них случайных причин, в таблицы нижеследующего Приложения вошли сведения только по тем группам, в которых численность работающих превышает 50 человек. Впервые публикуются материалы по

Бурятии. Ранее также не публиковались материалы, собранные на Урале и в Армении, хотя частичное их описание и некоторые выводы, полученные при обработке уральских данных, уже включались в опубликованные работы². Полевые материалы по Азербайджану, Грузии и Воронежской области публикуются повторно³, но в сильно

сокращенном и переработанном виде - только по 17 группам (из 37 обследованных) и 12 селениям (из 24, в которых был проведен сбор информации). Сокращение проводилось прежде всего за счет изъятия сведений о группах с численностью работающих менее 50 человек или о группах, сведения по которым были собраны в самом начале исследований по тогда еще недостаточно отработанной методике. Информация по социально-профессиональному составу жителей русских, алтайских и казахских сел Алтайского края и Горно-Алтайской АО во время пилотного обследования 1990-го г. собиралась только по очень небольшим выборкам; эти материалы в целом также подтверждают наличие выявленной этнической специфики русских в данной сфере, но не могут быть использованы в силу своей нерепрезентативности.

Методика сбора и представления материала

В практике этносоциологических исследований часто возникает необходимость сопоставительной оценки социальной стратификации и, следовательно, социально-профессиональной структуры соседних групп сельского населения. Предлагаемая методика является одним из вариантов сбора и анализа такого рода информации. Примером задач, решаемых с помощью указанной методики, может служить сравнение представителей различных этнических групп (национальностей), проживающих в одной местности, или же сопоставление недавних переселенцев с местными жителями той же самой этнической принадлежности. Подобное сравнение в принципе позволяет: определить диапазон реальных различий между взаимодействующими группами, оценить динамику подобных различий во времени, и на

этой основе предположить, насколько велика потенциальная возможность возникновения социальных конфликтов между рассматриваемыми группами.

В исследованных селах использовались обычные методы полевой работы: анализ местных архивов (похозяйственных книг) путем фиксации данных в заранее подготовленных бланках, в сочетании с наблюдением над социально - профессиональной структурой местных этнических групп (особенно за их представительством в социальных верхах) и полужформализованным интервьюированием сотрудников сельсоветов и некоторых местных жителей различного этнического происхождения об особенностях фиксации реальной социально-профессиональной структуры в похозяйственных книгах. В рамках моноэтнического селения, или для этнической группы из смешанного по составу населения села, выборка была, как правило, сплошной; на одну этническую группу жителей одного селения заполнялся отдельный бланк.

Общим условием работы по предлагаемой методике является фиксация сведений по каждой из рассматриваемых этнических групп сельского населения в особой графе таблицы или сводного бланка, который заранее готовится на селение (группу сел одного сельсовета). При этом бланки-таблицы используются двояким образом - в начале работы в них вносятся первичные сведения из похозяйственных книг. На завершающем этапе исследования в тех же бланках-таблицах отображаются расчетные показатели /пропорции лиц, входящих в соответствующие 10-12 профессиональных групп/. Бланки-таблицы, предлагаемые для сбора и первичной обработки информации, приведены в Приложениях №№ 1-4. Основные социальные и профессиональные слои, составляющие каждую из сопоставляемых групп сельского

населения, определяются по записям в похозяйственных книгах о поле и возрасте, национальности, уровне образования, профессии каждого жителя.

Похозяйственные книги ведутся сотрудниками сельсоветов (сельских администраций) и хранятся в там же; похозяйственные книги предшествовавшего времени содержатся либо в сельсоветах, либо в архивах районных центров. Имеет смысл сопоставлять как современный социально-профессиональный состав контактирующих групп, так и тенденции его изменения в последние советские десятилетия (конец 1970-х-конец 1980-х гг.) или в годы реформ (начало - середина 1990-х гг.).

Следует сразу же отметить, что возможные различия в социально-профессиональном составе и в социальной стратификации соседних этнических групп определяются совокупным действием двух основных факторов. Во-первых - это культурно-обусловленные различия между ними, проявляющиеся в преобладающих ориентациях на те или иные виды труда и занятости. Во-вторых - имеющиеся, как правило, различия между этими группами в связи с избирательной концентрацией их представителей в центральных либо, напротив, в периферийных селениях сельсоветов, сильно отличающихся друг от друга набором рабочих мест (в периферийных деревнях зачастую просто отсутствуют возможности работы на наиболее престижных и требующих высокой квалификации и образования должностях).

Определяемый таким способом социально-профессиональный состав соседствующих этнических групп сельского населения в принципе позволяет проводить сравнение между ними по следующим критериям:

1) Социальный статус контактирующих групп определяется по удельному весу наиболее престижных профессиональных групп (управленцев и

сельской несельскохозяйственной интеллигенции, дипломированных специалистов сельского хозяйства, в последние годы - фермеров, арендаторов и предпринимателей, в период до 1990 г. - служащих со средним специальным образованием, прямо не связанных с сельскохозяйственным производством, в достаточно большой мере рабочих с техническими или строительными специальностями и, особенно, механизаторов и водителей).

2) Ориентированность на сельский образ жизни и на труд непосредственно в сельскохозяйственном производстве определяется по удельному весу специалистов с высшим и средним специальным сельскохозяйственным образованием; фермеров и арендаторов; разнорабочих и животноводов, занятых в коллективных хозяйствах (ранее - в колхозах и совхозах); в определенной мере - механизаторов и водителей.

3) Потенциальная готовность перейти на работу в другие отрасли экономики и, соответственно, переселиться в города или промышленные поселки определяется по удельному весу специалистов с высшим и средним специальным несельскохозяйственным образованием; рабочих с техническими и строительными специальностями; служащих, непосредственно не связанных с сельскохозяйственным производством; в значительной мере - механизаторов и водителей.

4) Социальная активность определяется по уровню образования (доле лиц с высшим и средним специальным образованием) и удельному весу управленцев и интеллигенции, фермеров и арендаторов.

5) Готовность участвовать в начавшихся экономических реформах определяется по удельному весу фермеров и арендаторов.

Подробнее авторская методика сбора информации и одновременного построения таблиц социально-

профессионального состава соседних групп сельского населения изложена в специализированном руководстве по прикладной этноэкологии⁴. Отметим, что предлагаемая методика дает более подробную характеристику социально-профессионального состава сельских жителей, чем иные подходы. Так, в этносоциологическом исследовании русского населения ряда бывших республик СССР и России применительно к сельскому населению полиэтничных регионов авторы оперируют такими категориями, как "механизаторы", "специалисты и руководители", "садоводы", "растениеводы", "животноводы"; в общей характеристике занятости они разделяют население на работников умственного труда, физического труда в сельском хозяйстве и физического труда вне сельского хозяйства, либо - на работников различных отраслей⁵. Более дробная классификация социально-профессиональных групп сельского населения использовалась в предшествовавших исследованиях под руководством Ю. В. Арутюняна, когда итоговая группировка содержала 5 категорий: неквалифицированные работники физического труда; работники квалифицированного физического, преимущественно ручного, труда; работники квалифицированного физического труда преимущественно индустриального профиля; специалисты и руководители средней квалификации; специалисты и руководители высшей квалификации⁶. В ранних исследованиях этот автор выделял, исходя из сочетания уровней образования, оплаты труда и участия в решении важных для трудового коллектива вопросов, 9 социально-профессиональных категорий: разнорабочие; малоквалифицированные работники физического труда без специальной подготовки; квалифицированные работники неиндустриального профиля; механизаторы; служащие; руководители среднего звена; специалисты средней квалификации;

специалисты высшей квалификации; руководители высшего звена⁷. Близкая по сути к последней группировка в составе 8 категорий (неквалифицированный или малоквалифицированный рабочий или колхозник; работник квалифицированного физического труда, преимущественно ручного; работник квалифицированного, преимущественно индустриального физического труда; служащий; специалист средней квалификации; специалист высшей квалификации; руководитель среднего звена; руководитель высшего звена) была предложена и в фундаментальном труде по этносоциологии⁸. Наконец, недавно О.И.Шкаратан предложил выделять в современном российском городском и сельском населении 14 "социальных слоев", каждый из которых определяется по специфическому "кругу профессий" или по "роду труда" и при этом, в сущности, мало отличается от социально-профессиональной группы в понимании Ю.В.Арутюняна. В применении к сельскому населению данная группировка также оказывается менее подробной в сравнении с авторской, а от изложенных выше предшествовавших подходов отличается прежде всего появлением отдельного слоя фермеров и арендаторов⁹.

Как представляется, предлагаемая нами методика, по сравнению с обычными социологическими методами анализа профессионального и образовательного уровня населения, отличается лучшей адаптированностью к реалиям сельской местности и несколько большим уровнем дифференцированности получаемой информации. В то же самое время эта методика позволяет легко сгруппировать собранные сведения в более генерализованные категории, общепринятые в социологии последних советских десятилетий. Вместе с тем она более точно отражает распространенные среди сельских жителей разных регионов

страны подходы к разделению профессий на более престижные ("чистые", например, служащие со средним специальным образованием, прямо не занятые в сельскохозяйственном производстве) и менее престижные, а также на более доходные (позволяющие регулярно, но неофициально, подрабатывать, например, водители и механизаторы) и менее доходные. Последнее особенно важно, поскольку зачастую с таких именно позиций представители контактирующих этнических групп и оценивают свое относительное социальное положение.

Данная методика сбора и первичной обработки информации, необходимой для сравнительной оценки социально-профессионального состава соседствующих групп сельского населения, позволяет получить достаточный материал для выявления объективных различий в этой сфере и тенденций изменения указанных различий во времени. Однако только непосредственное интервьюирование местных жителей, осуществляемое в виде клас-

сической для этнографических исследований свободной беседы по соответствующей тематике, дает возможность судить о том, насколько эти объективные различия осознаются самими людьми (и тем самым действительно влияют на межгрупповые взаимоотношения), а в ряде случаев и о том, в какой степени искажены подобные различия в общественном сознании рассматриваемых групп населения. Выявляемая в ходе опросов населения субъективная оценка им своего относительного положения в общей для данной местности системе социально-профессиональной стратификации должна непременно дополняться собираемые с помощью предложенных методик объективные сведения. Только совокупный анализ объективных различий (включая тенденции их эволюции) и субъективного их осознания контактирующими группами сельского населения может служить основой для надежных выводов о современном характере и вероятных будущих изменениях во взаимоотношениях этих групп.

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ

(В СОПОСТАВЛЕНИИ С СОСЕДНИМИ ИНОЭТНИЧНЫМИ ГРУППАМИ)

Представленные в Приложении таблицы №№ 1-4 содержат сведения по 32 группам (в том числе по 15 группам русского населения) из 27 селений 11 сельских районов 5 республик и областей бывшего СССР (включая 3 региона России). Приводимый ниже анализ осуществлен путем сопоставления друг с другом соседних русских и иноэтничных групп, проживающих в одном полиэтничном селении или же в полиэтничном сельсовете, состоящем из практически моноэтничных сел. Только в случае нескольких моноэтничных сельсоветов сравнения проводились в пределах соответствующих сельских

районов, а в Бурятии и в Восточной Грузии сопоставлялись группы из моноэтничных селений и сельсоветов двух районов, граничащих друг с другом и имеющих одинаковые природно-хозяйственные условия. В каждом случае подсчитывались результаты всех возможных сопоставлений (будь то внутри селе

ния, в рамках сельсовета, или в пределах одного - двух соседних районов).

Проделанная работа позволяет сделать следующие общие выводы.

1. Русские обычно значительно уступали своим соседям иного этнического происхождения по участию в

образовании фермерских и арендных хозяйств в начале 1990-х годов, или, по крайней мере, никогда не превосходили их в этом отношении. Разница с татарами была очень сильной (в двух случаях; в одном случае разницы нет), а с башкирами и бурятами - достаточно выраженной (во всех шести случаях сопоставления русских с башкирами и в двух - с бурятами; еще в двух случаях сопоставления русских с бурятами разницы нет); разницы с марийцами нет. [Данные по 16 группам, в т.ч. 8 русским группам, из 16 селений].

2. Практически повсеместно русские уступали своим соседям или по крайней мере существенно не превосходили их по доле лиц с высшим и средним специальным сельскохозяйственным образованием (ветеринарные врачи, зоотехники, агрономы). Это подтверждается данными по Закавказью во всех трех сопоставлениях с азербайджанцами, в двух сопоставлениях с грузинами и в одном сопоставлении с армянами. Сравнение с лезгинами разницы не выявило, и только в случае сопоставления с татами русские превосходят их по доле специалистов данного профиля. Сходный результат дают примеры Приуралья и Бурятии: буряты превосходят русских в двух случаях и еще в двух разница между ними отсутствует, татары имеют большую долю такого рода специалистов в двух случаях и еще в одном разница отсутствует.

Лишь при сравнении русских с марийцами и башкирами наблюдается обратная картина - марийцы уступают русским, а башкиры в трех случаях уступают, в двух случаях разницы между ними нет, и только при одном сопоставлении башкиры превосходят русских по данному показателю. Однако стоит учесть, что из населенного преимущественно башкирами (85% населения) Бардымского района Пермской области русские в недавнем прошлом выезжали в 2-3 раза активнее,

чем башкиры¹⁰, и потому можно обоснованно предположить, что там в сельской местности преимущественно остались лишь те из русских, кто имеет особенно хорошее социально-профессиональное положение и к тому же не может сохранить его при переезде в город, что как раз и характерно для дипломированных специалистов сельского хозяйства. [Данные по 28 группам, в т.ч. 13 русским группам, из 23 селений].

3. Русские почти всегда уступали соседним этническим группам по общей доле сельскохозяйственных работников физического труда - полеводов, разнорабочих и животноводов. Такой результат очень сильно выражен во всех трех сопоставлениях русских с татарами, в четырех сравнениях их с башкирами (при двух противоположных случаях) и при единственном сопоставлении русских с марийцами. Тот же результат дают два сопоставления русских с бурятами (при одном случае равных пропорций указанных лиц и при одном случае превышения доли этих работников среди русских в сравнении с бурятами). Сходным выглядит и положение в Закавказье, где подобный вывод подтверждается 7 раз и оказывается неверным 3 раза - этот вывод справедлив в случаях сопоставлений русских как с татами, так и с лезгинами. При сравнении же русских как с армянами, так и с азербайджанцами указанный вывод в каждом случае подтверждается по два раза и не подтверждается по одному разу; сопоставление русских с грузинами один раз подтверждает данный вывод и один раз дает обратную картину.

Однако еще более ярко отмеченная закономерность выявляется при сравнении пропорций наименее квалифицированных и самых малооплачиваемых сельских работников - полеводов (разнорабочих, колхозников, рабочих совхозов). Русские уступают по

доле такого рода работников татарам в двух случаях (при одном противоположном случае), башкирам - в четырех случаях (при одном случае равенства и одном противоположном случае), марийцам - в одном случае; при сопоставлении с бурятами данный вывод подтверждается трижды и еще один раз обнаружено равенство сравниваемых групп. В Закавказье картина в целом близкая - русские очень сильно уступают как татам, так и лезгинам; дважды по этому показателю их заметно превосходят армяне (при одном противоположном случае), а при сравнении русских с азербайджанцами данный вывод подтверждается дважды (при одном противоположном случае).

Напротив, более механизированный и гораздо лучше оплачиваемый труд в животноводстве не выявляет однозначной специфики в степени распространенности среди русских занятости в этой отрасли сельского хозяйства. Если же сравнивать русских с их соседями по доле работников животноводства, занятых в отгонном скотоводстве и потому вынужденных проводить часть года вне селения на отдаленных пастбищах, то во всех четырех случаях сопоставления русских с бурятами они уступают последним в 2-3 раза, но при обоих сравнениях с армянами русские существенно превосходят их по доле чабанов. [Данные по 31 группе, в т.ч. 14 русским группам, из 26 селений].

4. Русские жители сельской местности почти везде и, как правило, весьма значительно превосходили своих иноэтничных соседей по доле низкоквалифицированных рабочих и служащих, прямо не связанных с сельскохозяйственным производством (сторожа, уборщицы, истопники и кочегары, почтальоны, и т.п.). Таков вывод из всех трех сопоставлений русских с татарами, пяти сравнений с башкирами (при одном противоположном случае), одного со-

поставления русских с марийцами, всех четырех сравнений с бурятами. Та же картина наблюдается при сравнении русских с мусульманскими народами Закавказья - во всех трех случаях сопоставления их с азербайджанцами и в каждом из сравнений с татами, лезгинами; однако при сопоставлении русских с грузинами указанный вывод не подтверждается оба раза, а в случаях их сравнения с армянами на одно подтверждение приходится две противоположных ситуации. [Данные по 31 группе, в т.ч. 14 русским группам, из 26 селений].

5. Русские в большинстве случаев уступали своим соседям по общей доле сельской интеллигенции и специалистов со средним специальным образованием, прямо не связанных с сельскохозяйственным производством (учителя, врачи и медсестры, бухгалтеры, телефонистки, и т.п.). Этот общий вывод подтверждается в четырех случаях сопоставлений с башкирами (при одной противоположной и одной примерно равной ситуации), во всех четырех случаях сравнения с бурятами, в трех случаях сопоставления с армянами и в двух случаях сравнения с грузинами, в одном случае сопоставления с азербайджанцами (при одной равной и одной противоположной ситуациях); разницы с лезгинами не обнаружено. Однако это заключение не подтверждается во всех трех случаях сравнения русских с татарами и при сопоставлении их с марийцами, татами.

Но если взять только долю специалистов с высшим образованием несельскохозяйственного профиля, то картина окажется более размытой: русские действительно уступали армянам (один случай), башкирам (четыре раза, при одной примерно равной и одной противоположной ситуации), бурятам (два раза), практически не отличались от азербайджанцев и лезгин (по одному разу), но превосходили марийцев, та-

тов (по одному разу) и татар (все три раза). [Данные по 31 группе, в т.ч. 14 русским группам, из 26 селений].

6. Русские практически всегда превосходили представителей соседних этнических групп по общей доле квалифицированных рабочих с техническими и строительными специальностями (сварщики, электрики, каменщики, и т.п.) и механизаторов, водителей (включая комбайнеров, трактористов), причем разница в пользу русских особенно сильно выражена в первой группе профессий и несколько меньше - среди механизаторов и водителей. В целом по доле указанной профессиональной группы русские везде и всегда превосходили народы Закавказья и Сибири (бурят - четыре раза, армян и азербайджанцев - по три раза, грузин - два раза, лезгин и татов - по одному разу). В Приуралье указанный вывод справедлив при сравнении русских с башкирами (пять подтверждений при одном противоположном случае), но противоположное положение имеет место при их сравнении с марийцами; при сопоставлении русских с татарами проявилась вся возможная гамма результатов - подтверждение, примерное равенство, обратная ситуация.

Однако при сопоставлении русских с их соседями только по доле прямо не занятых в сельском хозяйстве квалифицированных рабочих и строителей оказывается, что в Закавказье буквально во всех случаях существует многократное превосходство русских (в каждом из трех сравнений как с армянами, так и с азербайджанцами, и в каждом из сопоставлений с татами и с лезгинами), тогда как в Приуралье картина существенно иная - русские несколько превосходят марийцев (один раз) и татар (трижды), но совсем не отличаются от башкир (две равных ситуации при двух случаях превосходства башкир и двух - русских).

Различия же по доле механизаторов и водителей, несколько чаще складывающиеся тоже в пользу русских, выражены намного слабее (Закавказье) либо соседние группы даже несколько превосходят русских по этому показателю (Приуралье). [Данные по 31 группе, в т.ч. 14 русским группам, из 26 селений].

В добавление к вышесказанному стоит привести пример из Армении, где информация, к сожалению, собиралась в самом начале экспедиций по еще не отработанной методике. Однако бросается в глаза, что жившие в одном селе русские, армяне и азербайджанцы в существенно разной степени были ориентированы как на работу в своем селе и преимущественно в сельскохозяйственном производстве (минимум в 60% занятых - у русских, максимуму в 92% - у азербайджанцев), так и на труд вне села и преимущественно в промышленности и на других несельскохозяйственных предприятиях (максимум в 28% от общего числа занятых - у русских, минимум в 6% - у армян).

Проведенные полевые исследования также показали, что русские сельские жители, судя по неформальным и неофициальным по своему характеру разговорам с ними, в целом хорошо представляют себе основные черты и специфику социально-профессиональной стратификации в своих селах и районах. Иными словами, этот феномен, продемонстрированный выше в виде статистических данных, является осознанным и потому влияет на межэтнические отношения. Однако если подобная общая констатация не вызывает сомнений, то вот нижеследующие попытки дать интерпретацию услышанных оценок и мнений сельских жителей следует рассматривать только как сугубо приблизительную и весьма субъективную точку зрения, сложившуюся у автора в ходе экспедиционных поездок.

В 1990-е гг. в Бурятии и в Пермской области жители обращали внимание на непропорционально малое участие русского населения в развитии фермерства и арендаторства, причем большие успехи в этом татар оценивались русской частью населения весьма негативно (правда, одновременно русские положительно отзывались о трудолюбии и высокой профессиональной квалификации соседей-татар). Если исключить из рассмотрения ценностные моменты в оценке ситуации, то можно считать, что восприятие было весьма близким к действительному положению вещей.

В тогда еще союзных республиках Закавказья и в Бурятии русская часть населения, похоже, преувеличивала роль и представительство в своей среде сельской несельскохозяйственной интеллигенции с высшим образованием, а также высказывала весьма критическое мнение о квалификации большинства соответствующих работников из числа коренных народов. Одновременно с этим широко бытовало мнение о дискриминации русских специалистов при заполнении вакансий, особенно в случае выдвижения в руководители. Возможно, в общественном сознании продолжали сохраняться оценки, сложившиеся в предшествовавшие десятилетия, когда действительно в полиэтничных районах в данном социально-профессиональном слое преобладали именно русские либо у последних этот социально-профессиональный слой был относительно наибольшим. Вместе с тем, выраженное увеличение в структуре занятости нерусских национальностей доли специалистов сельскохозяйственного профиля с высшим и средним специальным образованием не было отмечено русскими собеседниками, которые, видимо, не придавали этому большого значения.

Русские сельские жители Бурятии и Закавказья всегда отмечали и очень

положительно воспринимали существенно повышенную долю среди русских рабочих с техническими и строительными специальностями, механизаторов и водителей. Возможно, даже существовала тенденция преувеличивать масштабы относительных различий в удельном весе данной социально-профессиональной группы. В общественном мнении это явление, а также представления о гораздо более высокой квалификации и способностях русских рабочих и механизаторов, воспринимались как естественная черта русской культуры и образа жизни, что, кстати, находит параллели и в среде старожильческого русского населения Средней Азии¹¹. Чрезвычайно интересно было бы узнать, существовал ли подобный феномен когда-либо в русско-татарских или русско-башкирских районах, ибо к началу 1990-х гг. в Пермской области такого рода воззрений отмечено не было (как, впрочем, и объективных серьезных социальных различий в этом плане между русскими и татарами, башкирами).

Наконец, резко и практически повсеместно выраженная повышенная пропорция среди русских неквалифицированных рабочих и служащих, занятых вне сельскохозяйственного производства, как кажется, также не осознавалась как специфическая черта русской модели социально-профессиональной стратификации. Вероятно, этот феномен осознавался косвенно в виде признания относительно большего распространения среди русских пьянства и связанной с ним профессиональной дисквалификации, а также нежелания части односельчан трудиться непосредственно на производстве.

Еще одним серьезным вопросом является определение масштабов выявленных различий, т.е. оценка того, насколько серьезно выражена социально-профессиональная стратификация в рассматриваемых сельских полиэтнич-

ных районах. Представляется, что в большинстве случаев можно говорить о действительно сильно выраженных различиях в социально-профессиональной структуре соседних этнических групп сельского населения, поскольку в пользу подобного вывода говорят как минимум три соображения.

Во-первых, к такому выводу подталкивают сами количественные показатели этих различий (представленные в таблицах Приложений), когда, например, доли некоторых социально-профессиональных слоев у русских и у соседних народов различаются в несколько раз.

Во-вторых, в исследовании Ю.В. Арутюняна по этносоциологии сельского населения делается вывод о существовании различий между татарами и русскими и, в частности, о большей удовлетворенности сельских татар в сравнении с русскими условиями жизни и работы на селе и о большей продуктивности различных отраслей хозяйства татарских колхозов в сравнении с русскими. Однако различия между сопоставляемыми им группами и показателями выражены в процентах или в десятках процентов, максимум до 1,5 раз¹².

В-третьих, широко известные и ставшие классическими примерами случаи резко выраженной этнорасовой

стратификации в США в отношении, например, доходов также предполагают межгрупповые вариации соответствующих показателей в пределах максимум до 150%. Так, в 1990 г. средний годовой доход американской семьи азиатского происхождения составлял примерно 36,8 тысяч долларов, белой семьи - 31,4 тысячи, испаноязычной семьи - 24,2 тысячи и афроамериканской семьи - 19,8 тысяч долларов¹³. Еще одним примером, считающимся доказательством крайне резко выраженной этнорасовой стратификации в США, служит соотношение между долей цветных в населении (25%) и их долей среди владельцев частных компаний (9%) в начале 1990-х гг., или же между числом владельцев собственных компаний на 1000 человек, которое среди испаноязычных граждан США колеблется от 63 у кубинцев (одной из самых преуспевающих этнических групп) до 19 у мексиканцев (один из наихудших показателей)¹⁴.

Таким образом, обнаруженные во многих случаях многократные различия между русскими и соседними народами по относительной доле некоторых социально-профессиональных групп также должны на указанном фоне рассматриваться как весьма сильно или резко выраженные.

ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ СТРУКТУРАМИ СЕЛЬСКОГО РУССКОГО И ИНОЭТНИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Итак, выполненное исследование свидетельствует о действительном наличии специфических для русского сельского населения особенностей социально-профессиональной структуры. В частности, полностью подтверждается целый ряд уже высказывавшихся положений, например, о том, что в полиэтничных сельских районах среди русского населения обычно более вы-

сока доля механизаторов и вообще лиц, работающих в индустриальных областях экономики либо вне сельскохозяйственного производства, тогда как доля работающих в наименее механизированных отраслях растениеводства среди них существенно ниже¹⁵. Оказалось верным и предположение о том, что по доле работников механизированных отраслей сельского хозяйства и рабочих с техническими специальностями

среди сельского населения к русским наиболее близки народы Поволжья, в частности татары, тогда как мусульманские народы Северного Кавказа и, добавим, Закавказья, если судить по сходным с ними в этом отношении закавказским азербайджанцам, татам и лезгинам, относятся к явно иному типу "трудовой и управленческой культуры"¹⁶.

Кроме того, углубленный анализ социально-профессиональной специфики сельского русского населения в полиэтничных районах показал, что русские отличаются существенно меньшей активностью в организации арендаторских и фермерских хозяйств, а также пониженной в подавляющем большинстве случаев долей как специалистов сельскохозяйственного профиля с высшим и средним специальным образованием, так и сельскохозяйственных работников физического труда, в особенности полеводов или разнорабочих. Иначе говоря, у русского сельского населения относительно ниже общая ориентированность на труд непосредственно в сельском хозяйстве, будь то высококвалифицированная работа или, напротив, самая низкоквалифицированная деятельность не-посредственно в поле.

Указанная специфика социально-профессионального состава сельского русского населения полиэтничных регионов вполне может быть охарактеризована как повышенная степень его социо-культурной урбанизированности. Подобный вывод получен и в недавнем исследовании старожильческого русского сельского населения Узбекистана¹⁷. Говоря иными словами, налицо повторяющиеся в различных регионах примеры большей социальной модернизированности сельского русского населения в сравнении со многими соседними этническими группами, особенно в Закавказье, Средней Азии, Сибири. Подобный вывод представляется вполне естественным по

отношению к социо-культурной характеристике этнического большинства населения промышленно развитого государства. Однако стоит подчеркнуть, что пример сельского русского населения обследованных районов демонстрирует сложность и неоднозначность отмеченного феномена. Относительно более высокий уровень социальной модернизированности связан не только со структурой занятости, обеспечивающей более высокие уровни оплаты труда, престижности занимаемых социально-экономических ниш, творческого содержания работы. Наряду с этими чертами ускоренная социальная модернизация сельского населения имеет и оборотную сторону - резко завышенную долю неквалифицированных и малооплачиваемых, а то и просто люмпенизированных профессиональных групп, полностью оторванных от сельскохозяйственного производства (типа истопников и кочегаров, уборщиц и сторожей).

Вероятно, именно эта важная черта современной культуры русского сельского населения играла наибольшую роль в его ускоренной миграции в города и промышленные центры на протяжении последних советских десятилетий. Впрочем, подобный феномен, хотя и без объяснения его конкретных причин, уже был отмечен этносоциологами¹⁸. Подобное свойство сельского русского населения предопределяло его ускоренное "вымывание" из полиэтничных сельских районов, приводившее к снижению доли и абсолютной численности в них русских жителей. Кстати, этот процесс имел место и там, где межэтнические отношения могли быть вполне благоприятными. Видимо, резко замедлившийся в силу экономического кризиса начала 1990-х гг. отток русских из полиэтничных сельских районов Российской Федерации в города¹⁹ может вновь возобновиться после начала роста промышленного производства, так что наме-

тившаяся ныне стабилизация этнического состава этих районов окажется, скорее всего, временной.

Впрочем, никак не меньшее влияние на ситуацию в полиэтничных сельских районах страны могут оказать кардинально изменившиеся в ходе реформ экономические условия жизни на селе и относительное положение основных социально-профессиональных групп сельского населения. Так, в последние годы существования социалистического типа экономики социально-профессиональная структура русского сельского населения воспринималась им и его соседями как в целом наиболее способствующая получению стабильных средних и высоких денежных доходов при наименьшем участии в самых тяжелых видах сельского труда. Но после реформ именно по достаточно широко представленным среди русских сельской интеллигенции и квалифицированным служащим, а также по наиболее многочисленным среди них же прослойкам неквалифицированных рабочих и служащих и высококвалифицированных рабочих с техническими и строительными специальностями, занятых вне сельскохозяйственного производства, особенно сильно ударил кризис и невыплаты зарплат в бюджетном секторе и в коллективных хозяйствах. Именно эти люди оказались в объективно худшем положении, так как не работая непосредственно в полях и на фермах большинство из них не может, официально либо неофициально, пользоваться натуральной оплатой своего труда в современных условиях фактического перехода сельского населения на самообеспечение основными продуктами питания. При условии оживления сельскохозяйственного производства эти профессиональные слои сельских жителей, видимо, в лучшем случае окажутся в числе последних среди тех, у кого начнет повышаться уровень реальных доходов.

Однако восстановление социальной стратификации и престижности основных профессиональных групп в российской деревне в том виде, какой они приняли к концу 1980-х гг., вряд ли вообще возможно, ибо слишком завышенной оказалась тогда в сельской местности доля лиц, прямо не связанных с собственно сельскохозяйственным производством, но получающих при этом стабильные и в большинстве случаев неплохие, особенно по сравнению с полеводами и колхозниками-разнорабочими, денежные доходы. Таким образом, экономические реформы начала 1990-х гг. ознаменовались своего рода необратимой инверсией в относительном положении и в реальном благосостоянии ряда социально-профессиональных групп сельского населения. Но в полиэтничных районах именно среди русских была относительно выше доля лиц, чья прежде устраивавшая их работа оказалась в новых условиях низко- и нерегулярно оплачиваемой либо вовсе ненужной. Следовательно, можно предположить ускоренный рост социальной напряженности среди русского населения и в случае появления вакантных рабочих мест в городах и промышленных центрах - усиленную миграцию именно этой части жителей из полиэтничных сельских районов страны. Кроме того, в случае принятия правительством действенных мер по подъему сельскохозяйственного производства и помощи всем типам хозяйств, непропорционально низкое участие русских в организации фермерских хозяйств, отмеченное в ряде районов Приуралья и Бурятии, может привести к формированию социального противостояния фермеров с другими сельскими жителями, которое способно приобрести черты межэтнических трений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Радаев В.В., Шкаратан О.И. *Социальная стратификация*. М.: Наука. 1995. С.47, 114.
2. Комарова О.Д., Ямсков А.Н. *Этническая конкуренция* // "Вестник РАН". 1994. Т.64. No 12. С.1070-1071; Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. *Сельское население южных районов Пермской области - межнациональные отношения* // Среда и культура в условиях общественных трансформаций. Ред.: Г.Бордюгов, П. Гобл, В.Тишков. М.: изд."АИРО-XX". 1995. С.182-186; они же, *Факторы формирования межэтнических отношений в среде сельского населения южных районов Пермской области* // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ 81. М.: изд. Ин-та этнологии и антропологии. 1995. С.16-18; Ямсков А.Н. *Различия в профессиональном составе этнических групп и миграции* // Русские старожилы Азербайджана. Часть 1. Ред.: В.И.Козлов, Н.А.Дубова. М.: Институт этнографии РАН. 1997. С.58.
3. Ямсков А.Н. *Различия в профессиональном составе...* С.51-60; его же. *Этнические различия в социально-профессиональном составе сельского русского и коренного населения Закавказья* // Духоборцы и молокане в Закавказье. Ред.: В.И.Козлов, А.П.Павленко. М.: Институт этнологии и антропологии. 1992. С.144-160.
4. *Методика этноэкологической экспертизы*. Ред.: В.В.Степанов. М.: Институт этнологии и антропологии. 1997 /в печати/.
5. *Русские: Этносоциологические очерки*. Отв. ред.: Арутюнян Ю.В. М.: Наука. 1992. 464 С.93, 96-97, 112-115.
6. Арутюнян Ю.В. *О национальных особенностях социально-культурной жизни советской деревни* // Современные этносоциальные процессы на селе. Отв. ред.: Арутюнян Ю.В. М.: Наука. 1986. С.7.
7. Арутюнян Ю.В. *Социальная структура сельского населения СССР*. М.: Мысль. 1971. С.354-355.
8. Арутюнян Ю.В., Дробижина Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. *Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования*. М.: Наука. 1984. С.226-227.
9. Радаев В.В., Шкаратан О.И. *Социальная стратификация...* С.231.
10. Дубова Н.А., Комарова О.Д., Ямсков А.Н. *Факторы формирования межэтнических отношений...* С.12.
11. Брусина О.И. *Восточно-славянское население в сельских районах Узбекистана: Этнические и социальные процессы (конец XIX - начало XX в.)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: Институт этнологии и антропологии. 1997. С.221.
12. Арутюнян Ю.В. *Социальная структура...* С.301-303.
13. Pincus F., Ehrlich H. *Discrimination // Race and Ethnic Conflict: Contending Views on Prejudice, Discrimination, and Ethnviolence*. Eds.: Pincus F., Ehrlich H. Boulder: Westview Press. 1994. P.76.
14. Ibid. P.237.
15. *Русские: Этносоциологические очерки...* С. 112-114, 130.
16. Перепелкин Л.С. *Русские рабочие и современное производство (опыт изучения русской трудовой и управленческой культуры в контексте современных технологий)* // "Мир России". 1994. Т.3. No 2. С.117.
17. Брусина О.И. *Восточно-славянское население в сельских районах Узбекистана: Этнические и социальные процессы (конец XIX - начало XX в.)*. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. М.: Институт этнологии и антропологии. 1997. С. 83, 221.
18. *Русские: Этносоциологические очерки...* С. 42.
19. Комарова О.Д., Ямсков А.Н. *Этническая конкуренция...* С.1069.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1.

Пермская область, 1993 г.; Воронежская область, 1990 г.

Область	Пермская область							Воронежская обл.
	Октябрьский		Бардымский					Поворинский
Район	Петропавловский		Шабарский	Уймужский		Шермейский		Песковский
Сельсовет	Петропавловск		Шабарка	Уймуж	Федорки	Шермейка	Ангүфьево	Пески
Селение	Петропавловск	Адылева	Шабарка	Уймуж	Федорки	Шермейка	Ангүфьево	Пески
Национальность	русские	татары	русские	башкиры	башкиры	русские	русские	русские
Численность лиц трудоспособного возраста	144 чел. 100%	180 чел. 100%	55 чел. 100%	176 чел. 100%	210 чел. 100%	133 чел. 100%	58 чел. 100%	300 чел. 100%
1. Служащие с высшим несельскохозяйственным образованием	6%	1%	-	4%	3%	4%	-	19%
2. Служащие с незаконченным высшим и средним спец. сельскохозяйственным образованием	13%	6%	2%	10%	5%	10%	-	
3. Служащие и рабочие со средним и более низким образованием, прямо не связанные с сельским хозяйством	28%	18%	27%	22%	15%	31%	21%	27%
4. Рабочие с техническими и строительными специальностями	16%	10%	7%	6%	7%	7%	5%	45%
5. Сельские механизаторы, трактористы и водители	17%	12%	33%	14%	17%	20%	17%	
6. Служащие с высшим и средним специальным сельскохозяйственным образованием	1%	2%	4%	2%	4%	3%	4%	-
7. Разнорабочие, полеводы и т.п., со средним и более низким образованием	12%	13%	25%	25%	34%	18%	33%	9%
8. Животноводы и т.п. со средним и более низким образованием	6%	19%	-	12%	11%	4%	17%	
9. Фермеры	1%	16%	-	1%	1%	-	-	-
10. Прочие	-	3%	2%	4%	3%	3%	3%	-

Таблица № 2

Пермская область, 1993 г.; Бурятия, 1991 г.

Регион	Пермская обл.				Бурятия			
	Октябрьский				Тарбагатайский	Селенгинский		
Сельсовет	Русско-Сарсинский				Тарбагатайский	Б.-Куналейский	Жаргалантуйск.	Дэдэ-Сутойский
Села	Русский Сарс	Тляково	Шароповка	Усть-Саварово	Пестерево	Большой Куналей	Жаргаланта	Дэдэ-Сутой
Национальность	русские	марийцы	татары	татары	русские	русские	буряты	буряты
Численность лиц трудоспособного возраста	313 чел. 100%	81 чел. 100%	104 чел. 100%	82 чел. 100%	68 чел. 100%	671 чел. 100%	378 чел. 100%	203 чел. 100%
1. Служащие с высшим несельскохозяйственным образованием	6%	-	2%	-	-	12%	22%	17%
2. Служащие с незаконченным высшим и средним спец. сельскохозяйственным образованием	11%	1%	9%	5%	3%			
3. Служащие и рабочие со средним и более низким образованием, прямо не связанные с сельским хозяйством	22%	12%	9%	13%	22%	20%	18%	18%
4. Рабочие с техническими и строительными специальностями	13%	12%	12%	10%	19%	32%	23%	19%
5. Сельские механизаторы, трактористы и водители	18%	20%	19%	27%	15%			
6. Служащие с высшим и средним специальным сельскохозяйственным образованием	2%	-	3%	2%	2%	2%	3%	2%
7. Разнорабочие, полеводы и т.п., со средним и более низким образованием	10%	26%	9%	15%	10%	11%	11%	22%
8. Животноводы и т.п. со средним и более низким образованием в т.ч. "чабаны"	15%	29%	32%	27%	29% (4%)	22% (5%)	21% (11%)	22% (10%)
9. Фермеры	-	-	3%	-	-	-	2%	-
10. Прочие	3%	-	2%	1%	-	1%	-	-

Таблица № 3

Азербайджан, 1989 г.

Район	Джалалабадский		Шемахинский		Варташенский			
	Новоголовский		Астрахановский		Беюк-Сеюдлинский			
Сельсовет	Новоголовка		Астраханка		Пир-бегли	Беюк-Сеюдло		
Селение	русские	азербайджанцы	русские	азербайджанцы		таты	русские	лезгиньы
Численность лиц трудоспособного возраста	225 чел. 100%	296 чел. 100%	245 чел. 100%	106 чел. 100%	117 чел. 100%	244 чел. 100%	101 чел. 100%	154 чел. 100%
1. Служащие с высшим несельскохозяйственным образованием	8%	8%	5%	5%	4%	5%	5%	7%
2. Служащие с незаконченным высшим и средним спец. сельскохозяйственным образованием			7%	6%	3%	8%	8%	10%
3. Служащие и рабочие со средним и более низким образованием, прямо не связанные с сельским хозяйством	20%	8%	20%	9%	5%	15%	8%	17%
4. Рабочие с техническими и строительными специальностями	18%	2%	9%	1%	-	6%	3%	2%
5. Сельские механизаторы, трактористы и водители	22%	7%	16%	13%	11%	14%	10%	11%
6. Служащие с высшим и средним специальным сельскохозяйственным образованием	-	1%	1%	3%	-	1%	1%	5%
7. Разнорабочие, полеводы и т.п., со средним и более низким образованием	20%	64%	28%	26%	51%	36%	52%	30%
8. Животноводы и т.п. со средним и более низким образованием	2%	2%	12%	15%	17%	14%	13%	17%
9. Домохозяйки	10%	8%	2%	22%	9%	1%	-	1%

Таблица № 4

Азербайджан, 1989 г., Грузия, 1988-1990 гг.

Республика Район	Азербайджан		Грузия					
	Шемахинский		Сагареджойский	Сигнахский		Богдановский		
Сельсовет	Кировский		Красногорский	Магаройский	Улья - новский	Гореловский		Тамбовский
Селение	Кировка		Красногорка	Нижнее Магаро	Улья - новка	Гореловка	Ждановкан	Н.Хульгумо
Национальность	русские	азерб.	русские	грузины	русские	русские	армяне	армяне
Численность лиц трудоспособного возраста	184 чел.	91 чел.	101 чел.	1515 чел.	524 чел.	839 чел.	266 чел.	204 чел.
	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%	100%
1. Служащие с высшим несельскохозяйственным образованием	13%	16%	10%	13%	8%	7%	11%	19%
2. Служащие с незаконченным высшим и средним спец. сельскохозяйственным образованием								
3. Служащие и рабочие со средним и более низким образованием, прямо не связанные с сельским хозяйством	15%	10%	18%	21%	13%	7%	5%	10%
4. Рабочие с техническими и строительными специальностями	10%	1%	36%	25%	35%	19%	3%	1%
5. Сельские механизаторы, трактористы и водители	16%	8%				9%	9%	10%
6. Служащие с высшим и средним специальным сельскохозяйственным образованием	1%	6%	-	2%	1%	н.д.	н.д.	н.д.
7. Разнорабочие, полеводы и т.п., со средним и более низким образованием	43%	37%	36%	39%	43%	22%	52%	42%
8. Животноводы и т.п. со средним и более низким образованием в т.ч. "чабаны"	-	2%				36% (17%)	20% (6%)	17% (1%)
9. Домохозяйки	2	20	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.